

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10343

Пространственно-временной континуум бессарабской поэмы А. С. Пушкина

Л. Ф. Луцевич

Варшавский университет

(Варшава, Польша)

e-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить значимые составляющие хронотопического континуума поэмы «Цыганы» с опорой на трактовку хронотопа как явления исторической поэтики М. М. Бахтина. Бессарабия, представленная поэтом в различных аспектах (территория «долгой брани», страна «русской славы», среда обитания «младенствующего» народа, хранительница поэтических преданий, овечьих именем Овидия, место собственного недобровольного пребывания А. Пушкина), выступает в качестве доминантного реально-географического, историко-эпохального и собственно поэтического хронотопа поэмы. Рассмотренный пространственно-временной континуум произведения включает характерные топосы и локусы, обуславливающие как кочевое бытие цыганского табора в целом, так и индивидуальные судьбы персонажей в частности. Отмечена сюжетообразующая роль «скитаний» Алеко как процесс поиска, обретения и в результате утраты самого себя. Неприятие героем цивилизации предопределило его нравственную гибель: личность оказалась не способна выжить в природном мире вне форм культуры и морали. В конечном итоге сложно структурированный конститутивный бессарабский континуум оказался во власти авторского хронотопа с его пессимистической идеей неотвратимого рока, который, в свою очередь, обусловлен романтической моделью мира, утвердившейся в философско-художественном сознании пушкинской эпохи.

Ключевые слова: Пушкин, «Цыганы», Бахтин, континуум, хронотоп, топос, локус, Бессарабия, табор, Алеко, судьба

Для цитирования: Луцевич Л. Ф. Пространственно-временной континуум бессарабской поэмы А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 30–53. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10343

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10343

Space-time Continuum of the Bessarabian Poem by A. S. Pushkin

Lyudmila F. Lutsevich

Warsaw University
(Warsaw, Poland)

e-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

Abstract. The article attempts to identify the significant components of the chronotopical continuum of the poem “The Gypsies” based on the interpretation of the chronotope as a phenomenon of M. Bakhtin’s historical poetics. Bessarabia, represented by the poet in various aspects (the territory of the “long battle,” the country of “Russian glory,” the habitat of the “infant” people, the keeper of the poetic traditions steeped in the name of Ovid, the place of A. Pushkin’s own involuntary stay) acts as the dominant real-geographical, historical epoch-making and actually poetic chronotope of the poem. The examined space-time continuum of the work includes the distinctive topoi and loci that determine both the nomadic life of the gypsy camp in general and the individual fates of the characters in particular. The plot-forming role of Aleko’s “wanderings” is described as a process of searching, gaining and, as a result, a loss of himself. The hero’s rejection of civilization predetermined his moral death: his personality turned out to be unable to survive in the natural world outside the cultural and moral forms. Ultimately, the complexly structured constitutive Bessarabian continuum was dominated by the author’s chronotope with his pessimistic idea of inevitable fate, which, in turn, was conditioned by the romantic model of the world, which was established in the philosophical and artistic consciousness of the Pushkin era.

Keywords: Pushkin, “The Gypsies”, Bakhtin, continuum, chronotope, topos, locus, Bessarabia, tabor, Aleko, fate

For citation: Lutsevich L. Space-time Continuum of the Bessarabian Poem by A. S. Pushkin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 30–53. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10343 (In Russ.)

Одной из самых значительных поэтических реминисценций по отъезде Александра Пушкина из Кишинева стала поэма «Цыганы». Ее нередко называют «бессарабской», так как здесь воспроизведен характерный географический рельеф, представлена жизнь «вольного народа», обитавшего на территории Бессарабии, использованы местные легенды и «преданья», упомянуты значимые исторические ситуации, воплощены собственно авторские впечатления от этого края.

Пушкин прибыл в Кишинев 21 сентября 1820 г., прожил там около трех лет, при okazji он выезжал из города, знакомясь с новыми для него реалиями. Молдавский пушкинист Виктор Кушниренко отмечает:

«Следуя по “пустынной” Бессарабии в сопровождении своего ближайшего друга полковника Ивана Липранди, между Кишиневом, Бендерами, Каушанами, Аккерманом, Татарбунарами, Измаилом, Болградом, Кагулом, Леова, Пушкин посетил более 40 почтовых станций и селений» (цит. по: [Киблик]).

На юге поэт приобрел немало друзей и знакомых как среди русских военных и чиновников, так и среди бессарабских помещиков¹. И если образованные соотечественники уже имели представление о деятельности молодого поэта, то для бессарабцев он был персоной неведомой. Однако, как вспоминал Александр Вельтман, «живым нравом и остротой ума Пушкин вскоре покори́л внимание и молдавского общества» [Вельтман, 1998: 275]. Согласно полуполюгендарным воспоминаниям, сохранившимся в семействе молдавского боярина Замфира Ралли, Пушкин провел летом 1821 г. около месяца в цыганском таборе, кочевавшем около сел Долна, Юрчены, Варзарешты [Ралли-Арборе: 1–6]². Топонимика поэмы «Цыганы» в определенной степени отразила личные наблюдения автора, то есть некие жизненные события, осуществленные «не просто в пространстве и во времени, а в осваиваемом географическом пространстве и в культурном, очеловеченном времени» [Щукин, 2010: 246], поэтически

¹ См. подробнее гл. «Бессарабское окружение Пушкина» [Двойченко-Маркова: 4–36].

² Подробнее также см.: [Трубецкой: 292], [Двойченко-Маркова: 24–25].

трансформированные в художественные образы, идеи, смыслы.

К работе над «Цыганами» Пушкин приступил, согласно наблюдениям Сергея Фомичева, в январе 1824 г. (после отъезда из Бессарабии, уже в Одессе), когда «набросал начальный фрагмент», соответствующий «62 строкам окончательной редакции», и составил план [Фомичев: 45]³. Олег Проскурин начало работы Пушкина над поэмой связывает с чтением поэтом книги немецкого ученого Генриха Морица Готлиба Грелльмана «Цыгане: исторический эксперимент над образом жизни и конституцией, обычаями и судьбой этого народа в Европе, а также их происхождением» [Grellmann, 1783] в переводе на французский язык [Grellmann, 1810], откуда поэт позаимствовал информацию о происхождении цыган и образе их жизни [Проскурин, 2013: 46]. Весной поэт спонтанно возвращался к замыслу, но к окончательной его реализации приступил «незадолго до отъезда из Одессы — 31 августа» [Фомичев: 46]. 10 октября в Михайловском поэма в первоначальной редакции была практически завершена. Однако Пушкин продолжал работать над вставным эпизодом «Скажи, мой друг, ты не жалеешь...» и монологом Алеко над колыбелью сына «Бледна, слаба, Земфира дремлет...» (в окончательную редакцию не вошли). Некоторые фрагменты поэмы были напечатаны в 1825 г. в «Полярной звезде» и в «Северных цветах», а отдельная книжка «Цыган» появилась позже, в 1827 г., с пометой: «Писано в 1824 году»⁴.

Современники восприняли поэму как лучшее сочинение Пушкина, подлинное явление русской романтической поэзии, где привлекало буквально все: сюжет, проблематика, герои, проникновенный лиризм, художественное мастерство автора. Еще в рукописи поэма получила высокую оценку Александра Бестужева, писавшего:

«...это произведение далеко оставило за собой всё, что он (Пушкин. — Л. Л.) писал прежде. В нем-то гений его <...> восстал в первородной

³ Позиции Сергея Фомичева оспаривает Олег Проскурин [Проскурин, 2010].

⁴ А. С. Пушкин, Цыганы (Писано в 1824 году). М.: Тип. Августа Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1827. 46 с.

красоте и простоте величественной. В нем-то сверкают молнийные очерки вольной жизни и глубоких страстей и усталого ума в борьбе с дикою природою» [Бестужев: 75].

Иван Киреевский восхищался высокой артистической субъективностью автора, при которой «каждый звук, кажется, непринужденно вылился из души» [Киреевский: 49]. Петр Вяземский, назвав поэму одним из «замечательнейших и первостепенных явлений нашей поэзии», обратил внимание на ее свободную композицию и вместе с тем на гармоническую согласованность целого:

«Поэма “Цыганы” составлена из отдельных явлений, то описательных, то повествовательных, то драматических, не хранящих математического последствия, но представляющих нравственное развитие, в котором части согласены правильно и гармонически» [Вяземский: 113].

Пушкинское чувство соразмерности воплотилось в поэме так верно, что Дмитрий Благой увидел в ее структуре «прямотаки “математический” расчет» [Благой: 96].

Оригинальность поэмы определяется не только значимостью содержания, свидетельствующем о «зрелости», «душевном росте художника», композиционной целостностью, «магической напевностью», «лирической энергией» [Иванов: 303, 302], но и особым пространственно-временным континуумом, представляющим собой некую динамическую авторскую модель мира в ее историко-географическом выражении, где совершаются события, функционируют персонажи, воплощаются авторские характеристики и оценки. Пространство и время в поэме тесно взаимодействуют друг с другом, благодаря чему образуют единую эстетическую реальность. Для поэта, как считает исследователь,

«... время и пространство суть — не априорные формы созерцания <...>, а некие непосредственно данные, бытийные реальности, столь же объективные, как и жизнь и мир. Доказать это нельзя, но показать можно на том несомненном факте, что стихии пространственная и временная входят как бытийно сущностные принципы в самый состав художественного объекта и определяют его структуру первично и всецело» [Габричевский: 134].

Далее в статье предпринята попытка наметить некоторые значимые составляющие хронотопического континуума пушкинской поэмы «Цыганы», памятуя при этом известное суждение Михаила Бахтина о том, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [Бахтин: 406].

***

Михаил Бахтин связывает понятие «хронотоп» с миром литературных произведений, где в тесном взаимодействии сосуществуют различные пространственные и временные ряды, при этом «важно выражение в нем (хронотопе. — Л. Л.) неразрывности пространства и времени» [Бахтин: 235]. Хронотопы пушкинской поэмы аксиологически значимы, они сосуществуют, противопоставляются, сопоставляются, рифмуются, поглощаются друг другом. Множественность хронотопов обуславливает сложные отношения между ними. Согласно Бахтину, в литературно-художественном хронотопе пространство «интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории», а время «сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым» [Бахтин: 235]. В результате слияний и разрывов времени и пространства в произведении образуется своя система частных хронотопов, являющихся организационными центрами, завязывающими и развязывающими сюжетные узлы. Бахтин отмечал:

«В пределах одного произведения и в пределах творчества одного автора наблюдаем множество хронотопов и сложные, специфические для данного произведения или автора взаимоотношения между ними, причем обычно один из них является <...> доминантным» [Бахтин: 400].

В поэме «Цыганы» доминантным реально-географическим, историко-эпохальным хронотопом является Бессарабия; однако став «предметом литературного описания, местом действия, местожительством героя», она превращалась «в факт уже не реального, а поэтического пространства» [Щукин, 2021: 291]. Конечно, между миром действительным и миром, воссозданным в художественном тексте, может быть существенная разница, но вместе с тем «они неразрывно связаны друг с другом и находятся в постоянном взаимодействии» [Бахтин: 402].

Известно, что с 1812 г. территория Бессарабии (пространство, занимаемое в XIX в. Аккерманским, Бендерским, Измаильским цынутами /уездами/) вошла в состав Российской империи. Говоря о происхождении наименования этого края, Владимир Пуришкевич — в свое время председатель Аккерманской уездной земской управы — приводил такое полупоэтическое «предание»:

«Бессарабия <...> именовалась в отдаленной древности Бессиею, от народа Бессов, обитавшего с гетами до Рождества Христова по Дунаю, Пруту, Днестру и Черному морю <...> в средние веки по Р. Х. жившие в Бессии печенеги купили у команов, обладавших тогда Молдавию, арабских невольников, кои жительствова с печенегами, и потом от соединения двух имен, Бессия и Арабия, произошло настоящее название Бессарабии. Затем в конце XIV века водворившиеся в ней крымские татары прозвали собственную Бессарабию Буджаком» [Пуришкевич: 4].

Бессарабия как географический регион имеет свое локальное прошлое и одновременно является элементом более масштабной истории. География больших пространств и события, происходившие там, как правило, включают в себя множество региональных, местных локусов, топосов, хронотопов, которые, становясь гуманитарно-географическими образами, способны влиять на сюжеты художественных текстов, становясь, по сути, их «вторым автором» [Замятин: 45]. Бессарабия интересовала Пушкина в различных аспектах: как территория «долгой брани» и страна «русской славы», воспетая Ломоносовым и Державиным; как среда обитания «младенствующего», вольного, романтического народа; как хранительница поэтических преданий, овеванных именем великого изгнанника Овидия; наконец, как место собственного недобровольного пребывания. Все в совокупности способствовало созданию многоструктурного, многозначного и вместе с тем единого реально-поэтического хронотопа.

Время (ведущий компонент любого хронотопа) бессарабской поэмы включает различные формы: историческое, мифологическое, сюжетное, время героев, время автора, др.

Историческое эпохальное время, разомкнутое в прошлое и настоящее, состоит из нескольких пластов:

- 1) эпоха римской «громкой державы» периода правления императора Августа, сославшего известного поэта Овидия (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) в г. Томи (порт Констанца в Румынии), где он и умер. Пушкин в поэме изменил место ссылки римского поэта;
- 2) эпоха турецкого султана, «когда Дунаю / Не угрожал ещё москаль /... А правил Буджаком паша / С высоких башен Аккермана»; Аккерманская крепость, как и возникший городок, с 1484 года — в течение 300 лет — находились под властью турок; с начала XIX в. Аккерман как часть Бессарабии принадлежал России;
- 3) длительная эпоха русско-турецких войн (1806–1812), результатом которых явилось то, что «повелительные грани / Стамбулу русский указал»: в 1812 г. был заключен Бухарестский мирный договор, согласно которому России перешла часть Молдавского княжества (территория Пруто-Днестровского междуречья), получившая затем статус Бессарабской области;
- 4) новое время — 20-е гг. XIX в., когда Пушкин прибыл в Бессарабию, где «орёл двуглавый / Ещё шумит минувшей славой»⁵.

Несколькими стихами, как видно, Пушкин связал в единую художественную линию звенья мировой и русской истории, придав таким образом произведению поэтический романтический масштаб и всеохватность, с одной стороны, а также реально-историческую и географическую конкретность — с другой. Разные пространственно-временные пласты: «римский», «турецкий», «русский» — сближаются и перекрещиваются в непрерывно изменяющемся легендарном хронотопическом континууме — Бессарабии, являющимся и местом поэтического пересечения судеб двух поэтов-изгнанников: Овидия и Пушкина.

Наряду со временем историческим в поэме представлено время мифологическое — это природно-циклическая жизнь кочующего цыганского табора. В самом начале произведения

---

⁵ А. Ф. Вельтман завершил свое исследование Бессарабии пушкинской парафразой: «1812 год решил жребий Бессарабии: двуглавый орел расширил крыло далее на юг — и она под надлежным кровом» [Вельтман, 1828: 72].

время историческое и мифологическое объединены, поэма открывается краткой вневременной (всевременной) экспозицией:

«Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют»⁶,

где глагол настоящего времени «кочуют» в контексте поэмы приобретает значение постоянно происходящего действия. Кочевье — неизменный признак, вечное состояние цыганского табора в его прошлом, настоящем и будущем. Вместе с тем кочевая жизнь табора прикреплена, приращена к определенному физическому бессарабскому горизонтальному ландшафту с его «степями», «полями», «долинами», «пустынями», «курганами», где все подвижно, «живо-неспокойно» и циклически задано (весна — лето — осень — зима: «За весной, красой природы, / Лето знойное пройдет — / И туман и непогоды / Осень поздняя несет»; «зимни вихри бушевали»). Выстроенные вертикали («луна», «месяц», «звезды», «небеса», «облака», «солнце») — не столько явления конкретно-географические или объекты индивидуального созерцания и размышления, сколько повсеместные, вовлеченные в мифологическое бытие табора. Мифологическая заданность жизни цыган подчеркивается и усиливается благодаря кольцевой композиции: поэма открывается картиной «веселого» «ночлега» цыганского табора, который на следующее утро «двинулся в поход», и завершается описанием ночной стоянки и ухода табора «с долины страшного ночлега». Такое хронотопическое обрамление, окольцовывающее сюжетное действие, дополнительно способствует восприятию цыганского таборного бытия как мифологического круговорота. При этом табор обладает своими исторически сложившимися обычаями, промыслами («Железо куй иль песни пой / И селы обходи с медведем»), своей легендарной памятью («преданье» о «святом старике»), «русское преданье» о «домашнем духе»), песнями («Старый муж, грозный муж...»), притчами, афоризмами. Особое значение в поэме

⁶ Пушкин А. С. Цыганы // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит. 1975. Т. 3: Поэмы. Сказки / примеч. С. М. Бонди. С. 141. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

приобретает сюжет об иноземце — «святом старике» (Овидии. — Л. Л.), слабом и робком, но обладавшем дивным песенным даром. Он был изгнан из своей страны и не сумел приспособиться к «чуждой земле». По поводу этого вставного эпизода Виссарион Белинский писал:

«Старый цыган рассказывает <...> не историю, а преданье, и не о поэте римском (цыган ничего не смыслит ни о поэтах, ни о римлянах), но о каком-то святом старике, который был «млад и жив незлобною душою, имел дивный дар песен и подобный шуму вод голос» [Белинский: 336] (курсив автора. — Л. Л.).

«Святой старик» жил памятью о «своем дальнем граде», дикая «свобода» была ему «не мила». Таким образом, «преданье» становится своего рода устным апокрифом, передаваемым из поколения в поколение и включаемым в мифическое бытие табора (такова же функция бытования песни: от Мариулы к Земфире⁷).

В черновиках Пушкина сохранились проекты предисловия к поэме, где он, разъясняя происхождение цыган, отмечал «их привязанность к дикой вольности», особо подчеркивал:

«В Молдавии цыгане составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть только между сих смиренных приверженцев первобытной свободы. Это не мешает им, однако же, вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести» (3: 401).

Однако еще Александр Вельтман заметил: «говоря о цыганах бессарабских и молдавских, должно упомянуть, что они издавна составляют собственность рабов боярских» [Вельтман, 1998: 282], а Юрий Лотман и Зара Минц дополнительно уточнили: «Пушкину прекрасно было известно, что молдавские цыгане — крепостные, но он оставил этот материал за пределами поэмы» [Лотман, Минц: 251]. Поэт описал те стороны жизни цыган, которые, собственно, противоречат

⁷ Проблема мифологизации цыганской культуры в русской литературе XIX — начала XX в. получила отражение в монографии польской исследовательницы Анны Собеской (см. подробнее раздел “Do muzyki mający Sugańie niepoślednie zdolności...” o chórach cygańskich w Rosji i muzyce sugańskiej w poezji rosyjskiej»), где отмечается, что русские особо восприняли чувственность, энергию, эмоциональность цыганской музыки, связав ее характер с русской душой [Sobieska: 81–86].

их крепостному состоянию: «первобытная свобода», «дикая вольность», «дикая кочевая жизнь». Кстати, и само слово «дикий» Пушкин употребляет в его основном значении: «в природном виде состоящий; природный; необразованный»⁸, находящийся в первобытном состоянии, то есть не тронутый цивилизацией и просвещением. В свое время Иван Киреевский отмечал:

«Подумаешь, автор хотел представить золотой век, где люди справедливы, не зная законов; где страсти никогда не выходят из границ должного; где все свободно, но ничто не нарушает общей гармонии, и внутреннее совершенство есть следствие не трудной образованности, но счастливой неиспорченности совершенства природного» [Киреевский: 50].

По сути дела, Киреевский не без иронии, как видно, связывал пушкинских «Цыган» с кругом философских идей просветительского XVIII в. (Гельвеций, Руссо).

Философское пространство, в котором развивается конфликт поэмы, составляет контраст между «неволей душевных городов» и «дикой вольностью», между природой и цивилизацией, между естественным и противоестественным. Мир «неволи» — это мир насилия, принуждения, подавления личности, власти Закона, богатства и праздности. Мир «воли» — это ясность, красота, «гостеприимство и покой», душевная доброта, «упоение вечной лени». Пушкин ценит «жизненную полноту, яркость, самобытность» цыган [Лотман, Минц: 253], поэтому мир «воли» в поэме — это веселье, жизнь, творчество народа и его представителей («Как вольность, весел их ночлег»; «Все живо посреди степей»; «Старик лениво в бубны бьёт, / Алеко с пеньем зверя водит»); мир «неволи» — это мертвенность, однообразие, скука «мертвые неги», «однообразная песнь рабов», «суета»). Цыганский мир не знает закона: «Мы дики, нет у нас закона», не имеет чувства долга, обязанностей. Отношения в этом мире строятся на свободной любви, на личных привязанностях, пристрастиях, выгоде каждого. И такие отношения отвергают «кровь», «стоны», «казнь». После кровавой расправы, совершенной Алеко, никто из цыган даже не подумал о мести, никто не покусился на жизнь убийцы.

⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1978–1980. Т. 1: А–З. 1978. С. 436.

То, что услышал Алеко из уст старого цыгана: «оставь нас, / Прости, да будет мир с тобою», — продиктовано не только природной мудростью естественного человека, но и, возможно, нежеланием нарушить сложившуюся традицию.

Цыганский табор внешне противопоставлен городу как свободное бытие несвободному. При этом естественная жизнь определяется такими топосами, как «река», «степь», «поле», «равнина», «путь», соотносящимися с движением кочевым, а также контекстуальными локусами⁹ цыганского жилья: «телега», «шатер», «молдаванский двор». В самом начале поэмы возникает топос реки («Они сегодня над рекой / В шатрах изодранных ночуют»), который мифологизирует текст бессарабской поэмы. В мифологии, как известно, река — элемент сакральной топографии. Герой, оказавшись «у реки», как правило, обречен на гибель, на уход: в поэме погибают молодой цыган, Земфира; изгнан Алеко; уходит табор. Кроме того, река часто соотносится в перцепции с идеей вселенской реки — пути, соединяющем разные миры («природа» — «цивилизация»; «верх» — «низ»; «воля» — «неволя», др.) В дальнейшем тексте река конкретизируется: в «преданье о поэте» («Он жил на берегах Дуная»), в «повести» Старика («Однажды близ Кагульских вод»). Упоминание реки в поэме, как и в мифологии, предваряет драму, трагедию, утрату: «На берегах Дуная» умер, не дождавшись прощения, римский поэт; «близ Кагульских вод» ушла от Старика «в чуждый табор» Мариула.

Из мифологизированного времени-пространства в первой же части поэмы выдвигаются индивидуальные лица Старика — старого цыгана («В шатре одном старик не спит»), и его «молоденькой дочери» Земфиры, отправившейся «гулять в пустынном поле». Ночью «за курганом» она «нашла» Алеко, привела его в табор, заявив отцу: «Он хочет быть как мы цыганом». Встреча героев, как известно, одно из древнейших сюжетобразующих событий. Первая встреча, внезапно вспыхнувшее чувство — исходный толчок сюжета; месть

⁹ См.: «В современной филологической литературе локус, как правило, соотносится с закрытым, конкретным пространственным образом, отсылающим к действительности, а топос — с открытым пространственным образом, местом разворачивания смыслов» [Гольденберг: 191].

Алеко — убийство Земфиры и ее возлюбленного — это конечная точка событийного движения. Между ними развивается сюжетная динамика. Хронотоп встречи неизбежно выводит к хронотопу дороги в узком и широком (как выбор жизненного пути) значении слова. На предложение Старика:

«<...> Останься <...>
Будь наш — привыкни к нашей доле,
Бродящей бедности и воле —
А завтра с утренней зарей
В одной телеге мы поедем» (3: 143), —

Алеко отвечает: «Я остаюсь». Выбор сделан стремительно, без раздумий. Алеко наделен характером решительным; он, как окажется впоследствии, способен померяться силами с «судьбой коварной и слепой». Встретив Земфиру, полюбив ее, герой погрузился в мерный круговорот жизни табора. Федор Достоевский назвал Алеко «несчастливым скитальцем в родной земле», «историческим русским страдальцем», который искал спасения в переменах внешней жизни, не понимая того, что правду нужно искать «прежде всего внутри его самого» [Достоевский: 387, 388], а Иван Ильин дополнительно подчеркнул:

«...русская душевная свобода есть <...> сила страсти (курсив автора. — Л. Л.), сила жизненного заряда, темперамента <...> Опасность этой страсти — в ее бездуховности и противоразумности, в ее личном своекорыстии <...>» [Ильин: 61].

Став «вольным жителем мира», герой включился в новую для него пространственно-временную парадигму, где нет места «городам», «цепям», «палатам», где он

«Гнезда надежного не знал
И ни к чему не привыкал» (3: 145).

Весьма показателен в структуре и семантике поэмы вводный эпизод о «птичке божьей», не знавшей «ни заботы, ни труда», ни «долговечного гнезда», живущей по природой заданному циклу «ночь — день; весна — лето — осень»). «Изгнанник перелетный» — Алеко, в течение двух лет «свой день <...> отдавал на волю бога», бродя с табором по бессарабской степи.

Хронотоп степи, встречаясь довольно часто, структурирует текст. Здесь «нестройно», вольно идет жизнь («Все живо

посреди степей», «И слышно в тишине степной»), завязываются сюжеты («за нею следом / По степи юноша спешит»), происходят встречи («Встречал я посреди степей»), разлуки, расставания («И скоро все в дали степной / Сокрылись <...>»). Степь — это и хронотоп мифологизированный поэтически — с кострами на земле и звездами в небесах, — и исторический, реально-географический с региональными названиями («степи Кагула», «Буджакская степь»). В качестве текстуальных синонимов степи используются слова «пустыня», «равнина», «поле», в которых на первый план выдвигается преимущественно значение необитаемости, безлюдности пространства: «Пошла гулять в пустынном поле», «Его в пустыне я нашла...», «Толпа валит в пустых равнинах», «Уныло юноша глядел / На опустелую равнину», «Она в пустынной тишине / Часы ночные проводила», «В пустынях часто я бродил», «В пустынях не спастись от бед». Сравним с письмами Пушкина бессарабского периода: «Теперь я один в пустынной для меня Молдавии» (9: 20); «письмо... нашло меня в пустынях Молдавии» (9: 28); «до моей пустыни не доходит ни один дружный голос» (9: 35). В хронотопе степи немаловажен топоним кургана (могильного холма). Земфира «за курганом», «в пустыне» встретила Алеко; «за курганом над могилой» она назначила свиданье молодому Цыгану; «за дальними курганами» Алеко совершил свою страшную месть. Характер событий, происходящих «у кургана», оказывается поворотным, сюжетообразующим, динамизирующим, соотносящимся непосредственно с завязкой, кульминацией, развязкой.

Хронотопу степи противопоставлен хронотоп города с его локусами «палат», «оград», «цепей», «ковров», «пиров». Он определяет событийное прошлое героя. Приняв новый образ жизни, герой буквально обрушился на «город», цивилизацию, просвещение, при этом он сам в немалой степени символизирует так называемое «русское возвращение к природе» через «русский бунт против культуры» [Мережковский: 110]. Ю. В. Манн указывал на высокую идеологизированность Алеко, отмечая при этом, что его обвинения «городу» — своего рода «законченные пункты программы» [Манн: 76]. Действительно, Алеко выступает против ложной стыдливости чувства

и мысли («Любви стыдятся, мысли гонят»), против устаревших кумиров («Главы пред идолами клонят»), против власти денег и любого рабств («просят денег да цепей»), против городского — искусственного — образа жизни («Там люди, в кучах за оградой, / Не дышат утренней прохладой, / Ни вешним запахом лугов»). Хронотоп города, созданный Алеко, становится символом цивилизаторской несвободы, неволи.

По-иному воспринимает воображаемый город Земфира; для нее это символ веселья, роскоши, застолий:

«Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры.
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!..» (3: 146).

Покинув «город», Алеко устремляется «на волю» — в любовь Земфиры. Он страстно желает любить и быть любимым:

«<...> одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье!» (3: 146).

Он жаждет сделать любовь движущей силой, организующей его новую, настоящую жизнь. При этом Алеко, обладая определенным опытом «высокой» любви, обнаружил ни с чем не сравнимые искренность и непосредственность чувств юной цыганки:

«<...> Как она любила!
Как нежно приклонясь ко мне
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
Веселья детского полна,
Как часто милым лепетаньем
И упоительным лобзаньем
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!..» (3: 153).

Возлюбленная стала «для него дорожке мира» (это понимал только старый цыган). Узнав об измене Земфиры, Алеко пережил глубочайшее потрясение: потеря ее была равнозначна крушению мира. Напрасно Старик, рассказывая «повесть о самом себе», о своем прошлом, пытался утешить Алеко:

«Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее: только год
Меня любила Мариула» (3: 153).

Вся последующая жизнь старого цыгана определялась этим «годом», трудным опытом его осмысления и, наконец, мудрым смирением:

«Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь» (3: 154).

Алеко не желает принять позицию Старика, он живет не прошлым, а настоящим, которое определяется единственно значимой ценностью — любовью. С помощью этого чувства Алеко возродился и стремился как бы перерастить самого себя, вот почему утрата любви губительна, катастрофична для героя. Для защиты своей любви он в отчаянье обращается, конечно, не к чужому и чуждому опыту Старика, а к своему, соотносящемуся теперь вновь с цивилизацией, законностью; он вспоминает о своих «правах»: «я <...> от прав моих не откажусь»; ревность застит ему глаза: «или хоть мщеньем наслажусь». В то время, как Алеко видит «тяжкий сон», Земфира спешит на свиданье к молодому цыгану. Самая сцена свиданья построена сплошь на темпоральных репликах, передающих стремительное движение времени в состоянии любви («пора», «доле», «покамест», «когда ж опять», «сегодня, как зайдет луна», «постой, дождемся дня», «уж поздно», «Минуту!»).

Индивидуальный хронотоп Алеко имеет разветвленную организацию. Он наделен разновременным по отношению к сюжетному действию прошлым («рожден среди богатого народа», «приучен к неге», «его преследует закон») и еще более сложным настоящим, где присутствует настоящее первое: «Я остаюсь»; настоящее второе: через «два лета», когда «Презрев оковы просвещения / Алеко волен <...> ведет кочующие дни», «прежних лет не помня даже»; настоящее третье: вечером Земфира поет песню о старом муже, вызывая у героя страшные муки ревности: «Алеко внемлет и бледнеет»; настоящее четвертое: пробуждение ото сна: «Встает он, из шатра

выходит <...> Вдруг видит близкие две тени»; месть: «Куда вы! Не спешите оба; / Вам хорошо и здесь у гроба». После убийства Земфиры и Цыгана наступает окаменение — беспросветная вечность, смерть, небытие:

«<...> Алеко за холмом
С ножом в руках, окровавленный
Сидел на камне гробовом» (З: 157).
«<...> когда же их закрыли
Последней горстию земной,
Он молча медленно склонился
И с камня на траву свалился» (З: 158).

Для Алеко время остановилось. Но жизнь цыганского табора продолжалась: цыгане простились с погибшими, похоронили их, старый цыган — отец Земфиры — вынес свой «приговор», который ничего не добавил к уже свершившемуся; «шумная толпа» снялась «с долины страшного ночлега» и двинулась в неостановимый, неизменный, замкнутый бессарабским пространством путь. Алеко (как и в начале поэмы) остался в одиночестве, выпав из цыганского мифологического кочевья:

«<...> лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом» (З: 158).

Герой лишился «стаи». Значимо здесь уподобление Алеко смертельно раненному журавлю:

«Пронзенный гибельным свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом» (З: 158).

Закрытое, ограниченное пространство телеги «темной», а также уподобление героя одинокой гибнущей птице прямо соотносится с локусом гроба, могилы, с хронотопом смерти.

Обратим внимание на тот факт, что хронотоп движения в поэме не однозначен для табора («путь») и Алеко («дорога»). В словаре В. И. Даля в толковании этих слов есть немало общего: «ездовая полоса», «направлень», «способ для достижения чего», но есть и отличия: «путь» — «польза, прок, толк, успех,

выгода»¹⁰; «дорога» — «род жизни, образ мыслей; дела и поступки человека»¹¹. Эти разночтения в толковании синонимов показательны. В связи с образом дороги как формы структурирования пространства, как правило, появляется идея пути как выражения определенного образа жизни. Применительно к табору автор использовал существительное «путь»: табор готов двинуться «утром в путь недалний»; применительно к герою — «дорога». Вначале дорога Алеко бескрайна, ничем не ограничена: «Ему везде была дорога», затем она сужается, совпадая с путем табора: «В селеньях, вдоль степной дороги / Алеко с пеньем зверя водит», и, наконец, превращается в пункт «зловещего следа», приводящего к «могиле на краю дороги». Хронотоп могилы стал точкой завершения пути-дороги, местом гибели не только Земфиры и ее возлюбленного, но и самого Алеко.

У Алеко было прошлое, определяемое культурой, цивилизацией, просвещением — «городом», у него было кочевое, таборное настоящее, определяемое любовью Земфиры, с помощью которой он сохранил и даже на время вновь обрел себя, но у него не оказалось будущего. По-видимому, неслучайно Пушкин не включил в поэму монолог Алеко у колыбели сына — это был бы прорыв в будущее.

Скитание героя по бессарабским степям оказалось процессом поиска, обретения и утраты самого себя. Неприятие цивилизации в целом (не только в ее негативных сторонах) привело к нравственной гибели личности, не знающей иных форм выживания в природном мире, кроме культуры, духовности. «Без духовного созерцания, — предупреждал И. Ильин, — человек может наделать на земле много крика и шума, свершить множество зла и пролить моря крови», только «духовное созерцание открывает человеку смысл вселенной, включает его в Божью ткань мира, делает его жизнь предметной и приобщает его самого к творчеству» [Ильин: 101].

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1980. Т. 3. С. 543.

¹¹ Там же. 1978. Т. 1. С. 473.

Все уникальное многообразие поэмы (мифология, философия, история; природа и цивилизация; жизнь народа и жизнь индивидуума), составившее мифолого-исторический бессарабский континуум, в конечном итоге подчинено авторской пессимистической сентенции:

«И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет» (3: 159).

Петр Вяземский считал концовку поэмы «слишком греческой» [Вяземский: 117]; Вячеслав Иванов также отмечал, что эпилог поэмы похож «на хоровые заключения греческих трагедий» [Иванов: 303–304]; Борис Энгельгардт увидел в эпилоге пессимистическое разочарование в ценностях жизни, скорбь поэта «над печальной участью человечества» [Энгельгардт: 111].

Итак, бессарабское время-пространство выступает в поэме «Цыганы» в качестве доминантного хронотопа, где тесно взаимодействуют, сосуществуют, противопоставляются, поглощаются и вновь возрождаются определенные топосы и локусы, обуславливающие неизменное кочевое бытие цыганского табора и переменную индивидуальную судьбу Алеко с его непрерывными «скитаниями», выстроенными как процесс поиска, обретения и, наконец, трагической утраты самого себя. Этот сложно структурированный конститутивный континуум оказался во власти авторского хронотопа с его романтической вневременной идеей неотвратимого рока. Авторский же хронотоп в свою очередь обусловлен той моделью мира, которая сформировалась в философско-художественном сознании пушкинской эпохи. Таким образом, поэма обрела свою «завершенность и замкнутость», как круг, где «все готово и закончено сполна» [Бахтин: 459].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 6. С. 74–492.
3. Бестужев А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // Литературно-критические работы декабристов. М.: Худож. лит., 1978. С. 69–79.

4. Благой Д. Д. «Цыганы» // Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней: в 2 т. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1979. Т. 2. С. 92–101.
5. Вельтман А. Ф. Начертание древней истории Бессарабии. С присовокуплением исторических выписок и карты. М.: тип. С. Селивановского, 1828. 95 с.
6. Вельтман А. Ф. Воспоминания о Бессарабии // Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и примеч. В. Э. Вацуро и др. 3-е изд., доп. СПб.: Акад. проект, 1998. Т. 1. С. 272–284.
7. Вяземский П. А. Цыганы. Поэма Пушкина // Вяземский П. А. Соч.: в 2 т. / сост., коммент. М. И. Гиллельсона. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 111–122.
8. Габричевский А. Г. Пространство и время // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 134–147.
9. Гольденберг А. Х. Локус дома в мифопоэтике Гоголя // Дом-музей писателя: история и современность: XI Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосибир. изд. дом, 2011. С. 191–199.
10. Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии Валахии. М.: Наука, 1979. 199 с.
11. Достоевский Ф. М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф. М. Искания и размышления / сост., вступ. ст. Г. М. Фридлендер, примеч. Н. С. Никитиной. М.: Сов. Россия, 1983. С. 386–401.
12. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–50.
13. Иванов Вяч. О «Цыганах» Пушкина // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт, с введ. и примеч. О. Дешарт. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1987. Т. 4. С. 299–323.
14. Ильин И. А. Пушкин // Ильин И. А. Одинокий художник: статьи, речи, лекции / сост., предисл., примеч. В. И. Белов. М.: Искусство, 1993. С. 40–103.
15. Киблик Е. По следам великого поэта — эти уголки Молдовы помнят поступь Пушкина [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.md/20190606/po-sledam-velikogo-poeta-eti-ugolki-chisinau-romnyat-postup-pushkina-26229806.html> (29.10.2021).
16. Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Киреевский И. В. Критика и эстетика / сост., вступ. ст. и примеч. Ю. В. Манна, редкол.: М. Ф. Овсянников (пред.) и др., М.: Искусство, 1979. С. 43–52.
17. Лотман Ю. М., Минц З. Г. «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3: Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. С. 246–293.
18. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. 377 с.

19. Мережковский Д. С. Пушкин // Пушкин в русской философской критике: конец XIX — первая половина XX вв. / сост., вступ. ст., биобиблиограф. справки Р. А. Гальцевой. М.: Книга, 1990. С. 92–160.
20. Проскурин О. И. Из истории одесского текста поэмы Пушкина Цыганы. К методике чтения пушкинских рукописей // Пермьяковский сборник: в 2 ч. / сост. Н. Мазур. М.: Новое изд-во, 2010. Ч. 2. С. 186–214.
21. Проскурин О. И. Русский поэт, немецкий ученый и бессарабские бродяги: что Пушкин знал о цыганах и почему скрыл от читателей свои познания // Новое литературное обозрение. 2013. № 123 (5). С. 165–183.
22. Пуришкевич В. М. Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, с приложением Генерального плана его края, составленного при гражданской съемке Бессарабии, производившей по высочайшему повелению размежевание земель оной на участки с 1822 по 1828-й г. Аккерман: тип. И. М. Гринштейна, 1899. 523 с.
23. Ралли-Арборе З. К. Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине // Минувшие годы. 1908. № 7. С. 1–6.
24. Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии. 4-е изд., испр. и доп. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1976. 346 с.
25. Шукин В. Г. Геокультурология // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительный альманах / отв. ред. И. И. Митин, сост. Д. Н. Замятин. М.: Институт наследия. 2010. Вып. 6. С. 245–250.
26. Шукин В. Г. Город и миф. Исследования в области геопоэтики. М.: ЛЕНАНД, 2021. 424 с.
27. Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: из текстологических наблюдений // Пушкин. Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1983. Т. 11. С. 27–65.
28. Энгельгардт Б. М. Литературоведение. Избранное. М.: Юрайт, 2019. 271 с.
29. Grellmann H. M. G. Die Zigeuner. Ein historischer Versuch über die Lebensart und Verfassung, Sitten und Schicksale dieses Volks in Europa, nebst ihrem Ursprunge. Dessau und Leipzig: Selbstverlag, 1783. 274 s.
30. Grellmann H. M. G. Histoire des Bohémiens, ou tableau des moeurs, usages et coutumes de ce peuple nomade; suivie de recherches historiques sur leur origine, leur langage et leur premiere apparition en Europe / trad. de l'Allemand sur la deuxieme edition par M. J. Paris: Chaumerot, 1810. 356 p.
31. Sobieska A. Dzieci Hagar: literackie wizerunki Romów/Cyganów: studia imagologiczne. Warszawa: Oficyna 21, 2015. 324 s.

References

1. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)
2. Belinskiy V. G. Writings by Alexander Pushkin. In: *Belinskiy V. G. Sobranie sochineniy: v 9 tomakh* [Belinsky V. G. Collected Works: in 9 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981, vol. 6, pp. 74–492. (In Russ.)

3. Bestuzhev A. A. A Look at Russian Literature During 1824 and Early 1825. In: *Literaturno-kriticheskie raboty dekabristov [Literary-Critical Works of the Decembrists]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, pp. 69–79. (In Russ.)
4. Blagoy D. D. “The Gypsies”. In: *Blagoy D. D. Ot Kantemira do nashikh dney: v 2 tomakh [Blagoy D. D. From Cantemir to the Present Day: in 2 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1979, vol. 2, pp. 92–101. (In Russ.)
5. Vel'tman A. F. *Nachertanie drevney istorii Bessarabii. S prisovokupleniem istoricheskikh vypisok i karty [Inscription of the Ancient History of Bessarabia. With the Addition of Historical Extracts and Map]*. Moscow, tipografiya S. Selivanovskogo Publ., 1828. 95 p. (In Russ.)
6. Vel'tman A. F. Memories of Bessarabia. In: *Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh [Pushkin in the Memoirs of his Contemporaries: in 2 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 1998, vol. 1, pp. 272–284. (In Russ.)
7. Vyazemskiy P. A. The Gypsies. Poem by Pushkin. In: *Vyazemskiy P. A. Sochineniya: v 2 tomakh [Vyazemsky P. A. Writings: in 2 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 2, pp. 111–122. (In Russ.)
8. Gabrichevskiy A. G. Space and Time. In: *Voprosy filosofii*, 1994, no. 3, pp. 134–147. (In Russ.)
9. Gol'denberg A. Kh. The Locus of the House in Gogol's Mythopoeitics. In: *Dom-muzey pisatelya: istoriya i sovremennost': XI Gogolevskie chteniya [The House-Museum of the Writer: History and Modernity: The 11th Gogol Readings]*. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskiy izdatel'skiy dom Publ., 2011, pp. 191–199. (In Russ.)
10. Dvoychenko-Markova E. M. *Pushkin v Moldavii i Valakhii [Pushkin in Moldova and Wallachia]*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 199 p. (In Russ.)
11. Dostoevskiy F. M. Pushkin (Essay). In: *Dostoevskiy F. M. Iskaniya i razmyshleniya [Dostoevsky F. M. Searches and Reflections]*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1983, pp. 386–401. (In Russ.)
12. Zamyatin D. N. Humanitarian Geography: Space, Imagination and Interaction Between Contemporary Human Sciences. In: *Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 2010, vol. 9, no. 3, pp. 26–50. (In Russ.)
13. Ivanov Vyach. About “The Gypsies” by Pushkin. In: *Ivanov Vyach. Sobranie sochineniy: v 4 tomakh [Ivanov Vyacheslav. Collected Works: in 4 Vols]*. Bruxelles, Foyer Oriental Chrétien Publ., 1987, vol. 4, pp. 299–323. (In Russ.)
14. Il'in I. A. Pushkin. In: *Il'in I. A. Odinokiy khudozhnik: stat'i, rechi, lektsii [Ilyin I. A. The Lonely Artist: Articles, Speeches, Lectures]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1993, pp. 40–103. (In Russ.)
15. Kiblik E. *Po sledam velikogo poeta — eti ugolki Moldovy pomnyat postup' Pushkina [In the Footsteps of the Great Poet — These Parts of Moldova Remember Pushkin's Footsteps]*. Available at: <https://ru.sputnik.md/20190606/po-sledam-velikogo-poeta-eti-ugolki-chisinau-pomnyat-postup-pushkina-26229806.html> (accessed on Oktober 29, 2021).

16. Kireevskiy I. V. Something About the Nature of Pushkin's Poetry. In: *Kireevskiy I. V. Kritika i estetika* [Kireevsky I. V. *Criticism and Aesthetics*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 43–52. (In Russ.)
17. Lotman Yu. M., Mints Z. G. "The Man of Nature" in Russian Literature of the 19th Century and Blok's "Gypsy Theme". In: *Lotman Yu. M. Izbrannyye stat'i: v 3 tomakh* [Lotman Yu. M. *Selected Articles: in 3 Vols*]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1993, vol. 3, pp. 246–293. (In Russ.)
18. Mann Yu. V. *Poetika russkogo romantizma* [Poetics of Russian Romanticism]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 377 p. (In Russ.)
19. Merezhkovskiy D. S. Pushkin. In: *Pushkin v russkoy filosofskoy kritike: konets XIX — pervaya polovina XX vv.* [Pushkin in Russian Philosophical Criticism: the End of the 19th — the First Half of the 20th Centuries]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 92–160. (In Russ.)
20. Proskurin O. I. From the History of the Odessa Text of Pushkin's Poem Gypsies. To the Method of Reading Pushkin's Manuscripts. In: *Permyakovskiy sbornik: v 2 chastyakh* [Permyakov Collection: in 2 Parts]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2010, part 2, pp. 186–214. (In Russ.)
21. Proskurin O. I. Russian Poet, German Scientist and Bessarabian Vagabonds: what Pushkin Knew About the Gypsies and Why He Hid his Knowledge from Readers. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2013, no. 123 (5), pp. 165–183. (In Russ.)
22. Purishkevich V. M. *Statisticheskoe opisaniye Bessarabii, sobstvenno tak nazyvaemoy, ili Budzhaka, s prilozheniem General'nogo plana ego kraya, sostavlennogo pri grazhdanskoj s'emke Bessarabii, proizvodivshey po vysochayshemu poveleniyu razmezhevanie zemel' onoy na uchastki s 1822 po 1828-y g.* [Statistical Description of Bessarabia, Actually the So-called, or Budzhak, with the Attachment of the General Plan of its Region, Drawn up During the Civil Survey of Bessarabia, which, on the Highest Command, Demarcated this Land into Plots from 1822 to 1828]. Akkerman, tipografiya I. M. Grinshteyna Publ., 1899. 523 p. (In Russ.)
23. Ralli-Arbore Z. K. From Family Memories of A. S. Pushkin. In: *Minuvshie gody*, 1908, no. 7, pp. 1–6. (In Russ.)
24. Trubeckoy B. A. *Pushkin v Moldavii* [Pushkin in Moldova]. Kishinev, Kartya Moldovenyaske Publ., 1976. 346 p. (In Russ.)
25. Shchukin V. G. Geoculturology. In: *Gumanitarnaya geografiya: nauchnyy i kul'turno-prosvetitel'nyy al'manakh* [Humanitarian Geography: Scientific, Cultural and Educational Almanac]. Moscow, Institut naslediya Publ., 2010, no. 6, pp. 245–250. (In Russ.)
26. Shchukin V. G. *Gorod i mif. Issledovaniya v oblasti geopoetiki* [City and Myth. Research in the Field of Geopoetics]. Moscow, LENAND Publ., 2021. 424 p. (In Russ.)
27. Fomichev S. A. Pushkin's Workbook PD No. 835: from Textual Observations. In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and Materials]. Leningrad, Nauka, Publ., 1983, vol. 11, pp. 27–65. (In Russ.)

28. Engel'gardt B. M. *Literaturovedenie. Izbrannoe* [Literary Criticism. Selected Works]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 271 p. (In Russ.)
29. Grellmann H. M. G. *Die Zigeuner. Ein historischer Versuch über die Lebensart und Verfassung, Sitten und Schicksale dieses Volks in Europa, nebst ihrem Ursprunge* [The Gypsies. A Historical Essay on the Way of Life and Constitution, Customs and Destinies of this People in Europe, Together with Their Origin]. Dessau, Leipzig, Selbstverlag Publ., 1783. 274 p. (In German)
30. Grellmann H. M. G. *Histoire des Bohémiens, ou tableau des moeurs, usages et coutumes de ce peuple nomade; suivie de recherches historiques sur leur origine, leur langage et leur premiere apparition en Europe* [History of the Gypsies, or Picture of Manners, Uses and Customs of this Nomadic People; Followed by Historical Research on Their Origin, Their Language and Their First Appearance in Europe]. Paris, Chaumerot Publ., 1810. 356 p. (In French)
31. Sobieska A. *Dzieci Hagar: literackie wizerunki Romów / Cyganów: studia imagologiczne* [Dzieci Hagar: Literary Images of Roma / Gypsies: Imagology Studies]. Warszawa, Oficyna 21 Publ., 2015. 324 p. (In Polish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Луцевич Людмила Федоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературоведения и культурологии, Институт специальной и межкультурной коммуникации, Варшавский университет (Krakowskie Przedmieście, 26/28, 00-927, Warszawa, Польша); ORCID: 0000-0002-0000-6340-2598; e-mail: l.lutevici@uw.edu.pl.

Lyudmila Lutsevich, PhD (Philology), Professor of the Department of Literary and Cultural Studies, the Institute of Communication and Intercultural Specialist, University of Warsaw (Krakowskie Przedmieście, 26/28, 00-927, Warsaw, Poland) ORCID: 0000-0002-0000-6340-2598; e-mail: l.lutevici@uw.edu.pl.

Поступила в редакцию / Received 29.10.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.01.2022

Принята к публикации / Accepted 14.01.2022

Дата публикации / Date of publication 14.02.2022